

НИКОЛАЙ РЫЖКОВ

член Совета Федерации

ЧТО ИМЕЕМ, НЕ ХРАНИМ...

Полная фраза, вынесенная в название этой главы: “Что имеем, не храним, потерявши, плачем”, — взята мной из афоризмов “Плоды раздумий” Козьмы Пруткова. Вторая часть этого высказывания мной сознательно опущена, так как я не уверен, “плачем” ли мы по нашему утерянному достоянию, описанному в этой главе, или равнодушны, а может быть, и радуемся? Давайте сообща решим это.

Итак, говоря о сложном пути жизни нашего Отечества, следует дать оценку развитию не только политической, экономической и социальной сфер, но и духовной составляющей. Не может жить страна и её народ лишь “хлебом единым”. Душа человека, духовность общества всегда были и будут основой народа. Отрыв материальной составляющей от духовной чреват тяжелейшими последствиями. Не случайно сейчас всё чаще звучит сравнение Запада с красивым яблоком с гнилой сердцевинкой. Результат известен — яблоко обречено.

Духовное здоровье народа во многом зависит от языка этого народа. Именно он, как барометр, показывает состояние жизни общества через общение людей, развитие литературы, через средства массовой информации и т. д. Состояние национального языка, его чистота определяют культурный и общий уровень духовной жизни.

Не стала исключением и Россия. Учёные выдвигают гипотезу, что наш язык возник три тысячи лет назад и имеет несколько этапов своего развития. Что же касается письменности, то её приобретение в IX веке, как известно, связано с именами Кирилла и Мефодия. Как сказал святой равноапостольный первоучитель и просветитель славян Кирилл, “...просвещение народа без письмен его языка подобно попыткам писать на воде”.

Русь XI века считалась одной из наиболее грамотных европейских держав, где открывались школы, сохранились библиотеки. Основными центрами литературного творчества и распространения книг становились монастыри. Их огромнейшая заслуга — и огромная благодарность потомков им за это — в том, что во время трёхсотлетнего периода татаро-монгольского нашествия и феодальной раздробленности России они взяли на себя эту важнейшую часть жизни и развития народа.

Русский язык, входивший в состав восточнославянских языков, выделился в XIV–XV веках из древнерусского языка. Термин “русский язык” употребляется в широком смысле. Он выполнял функции государственного языка в Киевской и Московской Руси, до образования русского (великорусского) национального языка. Так было до 1917 года. К русскому народу относились

и украинцы, и белорусы. Ещё в XIX веке ни у кого не вызвала сомнения принадлежность их к русской нации. Официальная статистика считала их русскими и подразделяла на великороссов, малороссов и белорусов. Некоторые языковые этнографические различия Украины и Белоруссии объясняются особенностями их исторического развития.

Русский язык не заимствован у кого-либо, не навязан кем-то, а создан самими русскими. В советское время русский язык был государственным языком при сохранении языков этнических групп и регионов. Подобное положение сохранилось и в современной Российской Федерации. На государственном языке говорят около 200 национальностей. Большинство из них считают русский язык своим вторым, если не первым языком.

Наша страна всегда была многонациональным государством и впитывала в себя другие народы. При этом не только не растворяя их в себе, а наоборот, развивая. В этом отношении многовековая политика бережливости к языкам различных народностей нашей страны себя оправдала. Имея русский язык в качестве государственного, объединяющего все народы и национальности страны, мы с гордостью можем сказать, что он является образцом, достойным уважения. Преследует ли такие же гуманные цели и испытывает ли уважение развернувшаяся во второй половине XX века глобализация по отношению к национальным культурам, образу духовной и материальной жизни народов?

Я далёк от этой наивной мысли. Мой жизненный опыт показывает, что мы “непозволительным” образом отличаемся от Запада. Мы плохи тем, что не входим в “золотой миллиард человечества”, на который работает всё население планеты, плохи тем, что противостоим — по крайней мере, пытаемся — чуждым для нашей жизни ценностям: однополым бракам, “массовой” культуре, которую Запад целеустремлённо пытается навязать нам, и т. д., и т. п.

Естественно, возникает вопрос: всегда ли и во всём ли мы защищали свои духовные ценности, наш язык и его вершинное проявление — нашу великую литературу? Давайте без прикрас посмотрим на эту проблему. Она заставляет задуматься о том, что происходило два века тому назад, и перекинуть мостик в нынешнее время.

И сегодня в основе наших размышлений об этом лежит тревога: занимает ли наша литература своё самостоятельное и достойное место в мире, или она является второстепенным придатком мировой, вернее, европейской и американской культуры?

К сожалению, у нас в России никогда не было единства мнений о месте русской литературы в мире. Позицию думающих людей можно условно разбить на две группы: те, кто считал нашу литературу не достигшей мирового уровня, и те, кто утверждал, что русская литература с её духовностью оказывает большое влияние на Запад.

Так, в своей статье о литературе В. Г. Белинский, наш “незыблемый” авторитет и литературный критик, во многом влиявший на развитие литературы в стране, писал в 1840 году: “Всемирно-исторического значения русская литература никогда не имела и теперь иметь не может... И потому нам должно пока отказаться от всяких притязаний сравнивать и равнять русскую литературу с французскою, немецкою или английскою... Наша литература исполнена большого интереса, но только для нас, русских”. Он утверждал, что “Жорж Занд имеет большое значение и во всемирно-исторической литературе, не в одной французской, тогда как Гоголь, при всей неотъемлемой великости его таланта, не имеет решительно никакого значения во всемирно-исторической литературе и велик только в одной русской, что, следовательно, имя Жорж Занда безусловно может входить в реестр имён европейских поэтов, тогда как помещению рядом имён Гоголя, Гомера и Шекспира оскорбляет и приличие, и здравый смысл...”.

Там же он писал: “Вот где видно только начало русской литературы, но ещё не русская литература. Она только что начинается, но её ещё нет, и начинается она с Пушкина, а до него решительно не было русской литературы; вместо её была словесность — ряд отдельных, ничем не связанных между собою явлений, вышедших не из родной почвы русского духа, а из подражания чужим образцам...”.

Не случайно свою статью он заканчивает словами: “Прошедшее нашей литературы не блестяще, настоящее тускло; но за будущее нам несколько не

должно отчаиваться. У нас нет литературы в точном и определённом значении этого слова, но у нас есть уже начало литературы...”.

И это говорилось тогда, когда в нашей литературе уже блистали М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, Д. И. Фонвизин, И. А. Крылов, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. С. Грибоедов! Как же переключаются Белинский с Солженицыным, хотя их разделяет более ста лет! Один, правда, говорил о словесности, другой об образованности (“образованщине”), – но разве не совпадают они в своих убеждениях?

В этой связи я задаю себе вопрос. Почему в советское время В. Белинский был возведён в ранг непререкаемого прогрессивного критика XIX века? Что, наши учёные не знали его высказываний о национальной литературе, приведённых выше? Да разве только в этом его философское отношение к своей родине, её культуре, её истории? А разве не его слова были о том, что наш народ “без всяких раздумий” должен освободиться “от вековых пережитков”, чтобы “усвоить новейшие достижения европейской мысли”, и что, по его убеждению, “такое движение не может обойтись и без гильотины”? Полагаю, что “идеологам оценки” нашей отечественной истории нужен был именно такой авторитетный кумир-прозападник.

Другая часть российской интеллигенции считает, что развитие отечественной литературы произошло наиболее бурно в определённые исторические периоды жизни государства, начиная со “Слова о Законе и Благодати”, “Слова о погибели русской земли” и “Слова о полку Игореве”.

Говоря о диалектическом пути развития литературы России, нельзя не вспомнить знаменитый труд “Лицевой летописный свод Ивана Грозного”. Есть у него и неофициальное название – “Царь-книга”, по аналогии с Царь-пушкой и Царь-колоколом. Такое название вполне оправданно. Свод состоит из 10 томов, содержащих около 10 тысяч листов, украшенных примерно 16 тысячами миниатюр (изображения в лицах, отсюда – “лицевой”). Над созданием Свода на протяжении трёх десятилетий трудились десятки художников.

“Лицевой летописный свод” – это уникальная книга, исторический и художественный памятник мирового значения, увековечивший эпоху рукописной книги и открывший эпоху книгопечатания. Ничего подобного нет ни у одного другого народа мира. Как тут ещё раз не вспомнить Белинского, утверждавшего, что “прошедшее нашей литературы не блестяще”!

Человеком, который стоял у истоков создания этого уникального произведения, был митрополит Московский и всея Руси Макарий, бессменный учитель и воспитатель осиротевшего в раннем детстве Ивана IV, крупный церковный мыслитель и писатель.

“Лицевой летописный свод” был издан в 2008 году издательством “АКТЕОН” ограниченным тиражом. Проблема же долгое время состояла ещё и в том, что прочитать Свод могли лишь немногие. В этом отношении ситуация со Сводом повторяет ситуацию, сложившуюся с переводом и изданием множества других древних летописей на современном русском языке. Хотя этой проблеме двести лет, она далека от завершения. Многие из летописей так и не изданы, а значительная часть изданных не переведена на современный русский язык. Пример тому – этот “Лицевой свод”. Так, академической наукой, вместо завершения перевода данной книги в 2025 году, в план работ был включён перевод много-томной “Истории Европы”! Выходит, для нас эта тема более актуальна, чем уникальное произведение XVI века!

Приведённый мной выше пример показывает, что наша история имеет много летописных реликвий, и нам есть, чем гордиться, а самое главное – не дать возможности разным “специалистам”, как иностранным, так и доморощенным, предать забвению свою историю, чего очень хотят те, кому выгодно считать нашу страну, и особенно литературу, ущербной.

Несколько слов о более позднем периоде развития нашей литературы и, в первую очередь, о А. С. Пушкине.

Общероссийское и мировое значение Пушкина ярко выразил в своей речи Ф. М. Достоевский 8 июня 1880 года по случаю открытия памятника поэту. Все мысли и оценки этого гения чётко обозначены в этой речи. Учитывая, что оценка Достоевского чётко выражает основные особенности Пушкина, я приведу выдержки из его речи.

“Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей

глубине её, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде, ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось.

Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо... ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своём развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление её в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности? Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут он угадчик, тут он пророк”.

Анализируя высказывание Ф. М. Достоевского и реально складывавшуюся ситуацию в литературе от средних веков Руси до пушкинского времени, можно сделать твёрдый вывод: Пушкин, являясь продолжателем литературы предшествующих веков, стал основоположником современного русского литературного языка, который и сейчас лежит в основе современной литературы.

Литература, и особенно поэзия, приобретала иную форму, близкую к народному творчеству. Церковно-славянский язык XVI века сменился в XVII веке русским литературным, но, я бы сказал, в “утяжелённой” форме: М. Ломоносов, Г. Державин, В. Жуковский, В. Тредиаковский. Они были предшественниками Пушкина, который заложил основу нашей литературы, и мы живём пушкинской строкой и сейчас, следуя этому более двухсот лет. Основные нормы русского языка, представленные в языке произведений Пушкина, остаются живыми, действующими и для нашего времени. Вот почему проходят десятилетия, века, а Пушкин и сегодня стоит во главе литературы нашей страны.

Есть такие понятия в истории нашей литературы, как Золотой и Серебряный век. Вокруг этих определений уже сто лет идут споры по поводу их временного фактора. Мнение, высказанное здесь по этому вопросу, является сугубо моим личным. Оно во многом не совпадает с официальной точкой зрения, которая так же не однозначна, а является взглядом дореволюционной, советской или современной России.

Совершенно по праву пушкинский век называют “Золотым”. Именно наш гениальный национальный поэт положил начало Золотому веку литературы.

Золотой век, которым называют русскую литературу XIX века, был особым временем творческой жизни России. Как известно, именно в этот период сформировались два основных общественных течения: славянофилы и либералы.

Основным принципом славянофильства был “Народу – мнение, царю – решение” (“Сила власти – царю, сила мнения – народу”). Они опровергали принципы западного парламентаризма, отдавая предпочтение принципам земских соборов, доносивших до монарха глас народа. Славянофильство стало важным, но далеко не единственным течением консервативной мысли. Интеллектуальными консерваторами были А. Пушкин, Н. Гоголь, Ф. Достоевский, Ф. Тютчев. Кроме творческой части консерватизма, в нём существовало также направление, связанное с политической деятельностью всех последних российских императоров, яркими выразителями которого были такие крупные общественно-политические фигуры, как С. Уваров, М. Катков, К. Победоносцев.

В лагере западничества либеральных мыслителей было во множестве. Это течение возникло почти одновременно со славянофильством и поначалу заполонило всю либеральную политическую нишу. Западники не признавали самобытность и оригинальность русской культуры. К ним относились такие мыслители, как В. Боткин, И. Тургенев, Т. Грановский, А. Герцен, Н. Огарёв, В. Белинский и др.

Дуализм российской мысли чётко проявился в противостоянии двух российских гениев: Льва Толстого и Фёдора Достоевского. Конечно, можно назвать Толстого либералом-народником, а Достоевского – консерватором-почвенником. Но такие определения не точны, не являются полными, так как оба писателя жили и творили в России с её самобытным народом, в гуще её выдающихся блестящих умов.

Достоевский прошёл в своей жизни этапы увлечения романтизмом, утопическим социализмом, православием, славянофильством, борьбой с “вымирающей” Европой. В конце своей жизни он призывал к труду на родной ниве, что видно из его речи на открытии памятника Пушкину в 1880 году. Его подлинным

идеалом был русский народ во всём его историческом величии и трагизме протекающей борьбы.

Толстой тоже проделал долгий путь идейных исканий веры и неверия. Он весь был соткан из противоречий, одновременно и в жизни, и в писательстве, и в своей страстной религиозной и политической проповеди, граничившей с тотальным анархизмом.

На Толстого, которого называли патроном литературных течений от реализма до соцреализма, естественно, и в политическом плане навешивали много противоречивых ярлыков: и кающегося аристократа, и выразителя интересов патриархального русского крестьянства, и революционера, и христианского анархиста. Его религиозная философия неминуемо привела его к открытому непримиримому конфликту с самодержавием и Православной Церковью.

В 1901 году Святой синод сообщил об “отпадении” писателя от Церкви: 24 февраля в официальном органе Святейшего правительствующего синода – журнале “Церковные ведомости” – было опубликовано Определение с посланием Святейшего синода, в котором официально извещалось, что граф Лев Толстой более не является членом Православной Церкви, так как его (публично высказываемые) убеждения несовместимы с таким членством. Прошло более ста лет, а решение Церкви остаётся в силе, и скромная могила этого гения – не только России, но и всего мира, – в Ясной поляне так и стоит без традиционного для религии нашего народа креста.

Эти два гения – Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой – до сих пор будоражат умы людей во всём мире, и надо полагать, временных границ нет и никогда не будет.

Наш гений, А. С. Пушкин, стоял у истоков новой литературы ещё при своей жизни в XIX веке. Гений поэзии М. Ю. Лермонтов, наши классики Н. В. Гоголь, И. А. Гончаров и многие литераторы проявились на пушкинской волне! Да и творчество Толстого и Достоевского без Пушкина вряд ли оставило бы такой огромный след в литературном наследии мира.

Наиболее острые споры развернулись, как уже было сказано, по поводу временных периодов Золотого и Серебряного века отечественной литературы. Практически все представители творческих сил страны единодушны во мнении, что Достоевский в своей знаменитой речи при открытии памятника Пушкину в Москве подвёл черту “Золотой” пушкинской эры – Золотого века русской литературы.

Период конца XIX – начала XX века нам известен как период расцвета творческих сил и талантов сильных представителей народной и национальной жизни: Максима Горького, Ивана Бунина, Александра Куприна, Сергея Есенина, Николая Клюева и др. Как назвать этот творческий период? Может быть, это и был Серебряный век, пришедший вслед за Золотым?

Однако “Серебряным веком” называли совсем другой отрезок времени, причём не самый лучший – одно лишь десятилетие: с 1905 по 1915 годы.

Вокруг Серебряного века с начала его существования и сейчас, столетие спустя, ведутся споры. Обсуждается вопрос, оставил ли этот творческий период существенный след в литературе последующих лет?

Можно привести множество высказываний известных писателей того времени об “истинном лице” Серебряного века. Великий старец Лев Толстой писал в своём дневнике:

“Вы спрашиваете меня о том, упадок ли декадентство или, напротив, движение вперед?.. Разумеется, упадок, и тем особенно печальный, что упадок искусства есть признак упадка всей цивилизации”.

Или вот что говорил в своих воспоминаниях Иван Бунин:

“Силы (да и литературные способности) у “декадентов” времени Чехова и у тех, что увеличили их число и славились впоследствии, называясь уже не декадентами и не символистами, а футуристами, мистическими анархистами, аргонавтами, равно как и у прочих, – у Андреева, позднее, например, у тщедушного, дохлого от болезни Арцыбашева или у Кузмина с его полуголым черепом и гробовым лицом, раскрашенным, как труп проститутки, – были и впрямь велики, но таковы, какими обладают истерики, юроды, помешанные: ибо кто же из них мог назваться здоровым в обычном смысле этого слова?.. совсем недаром писавшая от мужского имени Гиппиус, одержимый манией величия Брюсов, автор “Тихих мальчиков”, потом “Мелкого беса”, иначе

говоря, патологического Передонова, певец смерти и “отца” своего дьявола, каменно-неподвижный и молчаливый Сологуб, — “кирпич в сюртуке”, по определению Розанова, буйный “мистический анархист” Чулков, иступлённый Вольтерский, малорослый и страшный своей огромной головой и стоячими чёрными глазами Минский...”.

Уже в наше время многие известные литераторы, творческие гиганты (Г. Свиридов) и другие пришли к новому прочтению и осмыслению поэзии Серебряного века, который до сих пор считается в истории отечественной культуры величайшим достижением, близким к вершинам Золотого пушкинского века. Однако более глубокий анализ специалистов наследия Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Владислава Ходасевича, раннего Владимира Маяковского, Георгия Иванова, Фёдора Сологуба, Валерия Брюсова и других представителей русского декадентства показал, что именно в этот период в обществе воскресали такие явления, как растление, насилие и воинствующее антихристианство.

Это они в послереволюционном спаде после 1905–1907 годов жаждали новых всевозможных революций, в том числе политических, религиозных, сексуальных и т. д. К сожалению, зёрна, посеянные в Серебряном веке, давали всходы и в 20-е годы XX века, то есть в первые годы Советской власти. “Сбросим Пушкина с парохода современности!” — таков лозунг последователей Серебряного века. Да разве только Пушкина “сбрасывали” так называемые “творческие” личности? Нарком просвещения А. Луначарский в своих статьях писал: “Пушкин не покинул до конца аристократических позиций”, но совершал “осторожный и полный сомнений переход с барских позиций на буржуазные” и так далее.

Созданная в эти годы антинациональная идеология оправдывала разрушение великих памятников русской культуры и истории, объявляла русский характер консервативным, не способным к строительству нового общества. Вот что писала массовая пресса того времени:

“Пора убрать исторический мусор с площадей. В этой области у нас накопилось немало курьёзов. Ещё в прошлом году в Киеве стоял (а может быть, скорее всего, и по сей день стоит) чугунный “святой” князь Владимир.

В Москве напротив Мавзолея Ленина и не думают убираться восвояси “гражданин Минин и князь Пожарский” — представители боярско-торгового союза, заключённого 318 лет тому назад на предмет удушения крестьянской войны...”.

К счастью, в 1930-х годах обстоятельства в стране изменились, стали востребованы истинные писатели и мыслители. Они-то и подготовили почву для духовного подъёма народа, который особо проявился в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны.

Но наступили времена Н. Хрущёва, а затем и М. Горбачёва. Казалось, что идеи Серебряного века ушли в прошлое. Страна переживала великие потрясения: индустриализация 1930-х годов, Великая Отечественная война, восстановление разрушенной страны, “холодная” война и т. д. И, тем не менее, во времена Хрущёва произошла “оттепель”, а Горбачёвым с восторгом была провозглашена “гласность”...

Кстати, эти два понятия — “оттепель” и “гласность” — не были изобретены И. Эренбургом и М. Горбачёвым. Термин “оттепель” ввёл в обиход Ф. Тютчев, приветствуя нового царя Александра II, а писатель Н. Мельгунов, в это же время и по этому же поводу, ввёл слово “гласность”.

Так потом эти два слова и будут передаваться в наследство всем будущим русским перестройкам вместе с граблями, на которые всегда наступает Россия в периоды реформ.

Можно много говорить о плеяде поэтов, писателей и публицистов эпохи “оттепели”; впоследствии они в корне поменяли взгляды на свои прошлые сочинения. К примеру, Б. Окуджава. Это он писал про “комиссаров в пыльных шлемах” и ещё многое “просоветское”. Так же, как и “Всё, что создано нами прекрасного, создано с Лениным...”. Но вот в демократической газете “Литературные вести” он же пишет:

*Кухарку приставили как-то к рулю.
Она ухватилась, паскуда.
И толпы забежали по кораблю,
Надеясь на скорое чудо.*

.....
*Кухарка схоронена возле Кремля,
В отставке кухаркины дети.
Кухаркины внуки спуют у руля,
И мы не случайно в ответе.*

Я не называю здесь “шестидесятников” поименно. Они известны. Но для суда потомков существует список имён сорока двух человек – подписантов письма Б. Ельцину “Убей гадину!” Больше половины из них уже покинули наш грешный мир и сейчас держат ответ перед Всевышним!

Хотелось бы остановиться ещё на одном вопросе, касающемся русского языка. Мы принимаем много решений – актуальных и не очень, быстро или медленно. Очень быстро, как известно, в течение недели был принят в двух основных чтениях проект закона о реформировании, а также уничтожении Российской академии наук (РАН), академий медицинской и сельскохозяйственной. А законодательство о русском языке практически так и нет. Правда, три года назад был принят Федеральный закон о запрещении нецензурной брани в произведениях литературы, искусства и народного творчества. Но этого, к сожалению, явно недостаточно.

Министерству образования и науки следовало бы, вместо наступления на науку и высшие учебные заведения, заняться этим вопросом. Уже много лет ведутся об этом разговоры, но *воз и ныне там*. Это даёт определённый козырь “ревнителям русского народа”. Русский язык – он или есть и будет в дальнейшем языком многонационального общения, или мы ждём того, что английский язык станет универсальным языком общения внутри России и с бывшими союзными республиками? И не надо в этом законе возвеличивать русский язык, он и так велик. Но принять меры по сохранности его уникальности, предохранить его от различных искажений, чётко определиться с изучением его в школах и иных учебных заведениях страны необходимо.

В этом отношении мы должны использовать опыт Франции, которая уже с конца XVII века стала защищать свой язык, а в середине XX века приняла закон “О чистоте французского языка”.

Я полагаю, что многие из нас уже не всегда понимают разговорную речь даже, например, на радио и телевидении. Это не наш родной, а какой-то “птичий” язык! Уголовный жаргон, смешанный с иностранными заимствованиями, сдобренный всякими сокращениями, породил чудовищный “новояз”, на котором, к великой скорби, разговаривает значительная часть жителей России. Вот беседуют мужики, а прислушаешься к их разговору – волосы встают дыбом.

- Бабло там нарубим? – спрашивал один.
- Фишка если ляжет, тогда и потянем, – ответил другой.
- Че грузил, что всё окей? – наседал первый.
- Капуста наша, а не зеленая, – объяснял товарищ.

Вот и пойми: русские перед тобой или инопланетяне. Слушая подобные разговоры, невольно думаешь: а не настанет ли у нас время, когда мы будем ходить со словарём?

Я позволю себе использовать зарисовки из жизни нашего известного писателя и сатирика, ныне покойного, М. Задорнова: “Она в любви ко мне не адекватна”. “Я взяла авоську, пошла на маркет”. “Я работаю пирожкомейкером”. В сочинениях молодые люди пишут: “Есенин был интерактивным поэтом”. “Чацкий, который сидел в ЧАТах”. “Пушкин с Гончаровой консолидировался по половым признакам”. “Новации Цветаевой и её дефолт”. “У Ломоносова была большая харизма”. “Онегин и Печорин поехали в деревню проводить кастинг среди сестёр Ростовых”. “Я горжусь Петром I за то, что боролся с фашизмом”. “Александр II разрешил всем заключённым провести эпилляцию”.

Недавно я видел книгу одного современного филолога, которая называется “Счастье как лингвокультурный концепт”. Цитирую фразу из этой брошюры: “Счастье – многомерное интегративно-ментальное образование, включающее интеллектуальную общеаксиологическую оценку в форме удовлетворения...”. И так вся книжка! Или вот ещё. По телевидению выступал политолог. Его спросили: “Зарплаты врачам повысят?” Знаете, что он ответил? “Индексация финансовых сегрегенций зависит от латентно-адекватных мажоритарных обструкций.

Поэтому, как вы понимаете, нельзя инсценировать амбивалентные новации корректирующего мониторинга”. Та, что брала у него интервью, долго после этого ответа смотрела на него глазами лошади Мюнхгаузена, когда тот летел на ядре.

Особо следует отметить засоренность русского языка, к месту и не к месту, иностранными словами. Подобное было и в советское время, особенно в политической литературе. Так, В. И. Ленин в своей статье “Не пора ли объявить войну коверканью русского языка” писал: “Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно... Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?.. Перенимать французско-нижегородское словоупотребление – значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, а, во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык”.

Вхождение же России в “рыночную” атмосферу открыло новые шлюзы для потока этих слов. Например, креативный, секвестр, брутальный, девелопер, модератор и т. д. Слово “омбудсмен” скоро будут применять в любом значении, например, “омбудсмен России” вместо “защитник Родины”.

И таких шедевров можно приводить множество. Ещё один пример. Слово “бренд” проникает в сленг не только народа, но и большой политики. А что же оно обозначает? Слово “бренд” на английском языке означает бирку на шее быка в стаде! А слово “будировать”? В переводе с французского оно означает “сердиться”. Вот и применяй у нас это слово!

Не менее важно также выработать меры по сохранению русского языка в бывших союзных республиках, где живут миллионы наших соотечественников: этнические русские, представители других национальностей, которые воспитывались на русском языке и считают его до сих пор своим родным, а также литераторы, научные работники и т. д. Примером такой заботы о своём языке могут быть, как уже говорилось, Франция или Испания. Там созданы авторитетные органы, которые занимаются своим языком во франко- и испаноговорящих странах. Они имеют большие полномочия и возможности материальных и моральных поощрений.

Мне скажут: денег нет, в стране и так много проблем. Действительно, денег никогда не хватало. Но есть же миллиарды рублей для никому не нужного “Сколково”? Есть же деньги на покупку олигархами вилл и дворцов за рубежом, сногшибательных яхт и самолётов, иностранных спортивных клубов?

Стоит вспомнить свою историю. В 1783 году Указом императрицы Екатерины II (Великой) была создана Академия для защиты и пропаганды российской словесности. 250 лет тому назад власти были обеспокоены русской словесностью, а мы в течение десятилетий не можем принять соответствующий закон!

Несколько лет назад Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл в своём обращении подчеркнул: “Через русский язык передаётся наш культурный духовный код на интеллектуальном уровне... С разрушением художественной литературы из жизни уходят положительные герои, тот самый образ положительного героя, который сформирован христианскими истоками нашей национальной культуры. Вот почему так важно сегодня бороться за сохранение русского языка, ибо использование современных средств коммуникации очень сильно трансформирует язык”.

В 2011 году президент страны объявил об учреждении нового праздника – Дня русского языка, и датой праздника объявлено 6 июня – день рождения Александра Сергеевича Пушкина. Символично! Но время движется неумолимо, прошло уже семь лет, а изменений практически нет.

Положение, сложившееся с русским языком в настоящее время, не ново. Ещё начиная с 1917 года, русская нация была определена как великодержавная, угнетающая другие народы. Такой период длился довольно долго, а в конце 1920-х и начале 1930-х годов споры противников и защитников русской нации и, естественно, языка перешли даже в сферу политического преследования.

В 1931 году были вынесены приговоры по “делу” русских историков. Некоторые из них получили срок от трёх до десяти лет тюремного заключения, а ещё 15 известных историков – по пять лет ссылки.

Вплоть до середины 1930-х годов оставались под запретом такие слова и словосочетания, как “русская советская живопись”, “русская литература” и др. Слова “русский” избегали, заменили его на эпитеты “московский”, “наш”, “современный” и т. д. Причины проявления такой национальной “стыдливости” были порождены критиками всего русского, традиций русского народа, определявшими, что всё это имеет реакционно-националистическую сущность.

Такое положение сложилось во многом из-за того, что во главе исторической науки, её идеологии стоял небезызвестный историк М. Покровский. Его книга “Русская история в самом сжатом виде”, написанная в 1920 году, к 1933 году была выпущена десятками изданий. Выпускники школ первой половины 1930-х годов должны были изучать свою историю только по этому учебнику.

Этот историк оставил тяжелейший след в нашей истории, “школа Покровского” обслуживала интересы троцкистской бюрократии, пытавшейся обосновать своё стремление находиться у власти. В противовес курсу Сталина, направленному на реабилитацию русской истории и языка, идею этой “школы”, к сожалению, поддерживала значительная часть интеллигенции.

Ситуация начала меняться только в середине 1930-х годов, хотя после смерти Покровского в 1932 году университет получил его имя и носил до тех пор, пока не определилось более достойное – имя М. В. Ломоносова, присвоенное университету в мае 1940 года.

Особо хотелось бы остановиться на проблеме библиотек. Я не буду приводить “скорбный” список их наличия в стране. У меня, как и у многих граждан России, возникает тревога, что с возрастающим уровнем электронной информации посещение библиотек будет уменьшаться. Мы в своё время удивлялись и недоумевали, как можно “Войну и мир” читать в сжатом виде, буквально в нескольких страницах? К сожалению, это наша нынешняя реальность.

Библиотеки обязаны в корне изменить свою деятельность. Функции книгохранилища уже недостаточно. Рыночные отношения ударили, в первую очередь, по культурным центрам, клубам, домам детского творчества и т. д. Те детские центры, которые сохранились, в основном перешли на коммерческую основу, что не позволяет детям из семей с малым и средним достатком посещать различные кружки и спортивные секции.

Библиотеки просто обязаны взять некоторые утерянные функции на себя. Они должны стать платформой для восстановления детских кружков, местом, где детям и подросткам помогают в учёбе, подготовке докладов, рефератов и т. д., устраивают обсуждения книг и кинофильмов, организуют специальные встречи с писателями, ветеранами войны и труда, старшему же поколению они должны давать неформальные консультации по самым различным вопросам. Необходимо сделать библиотеки привлекательными, чтобы люди, особенно дети и молодёжь, стремились в этот очаг культуры.

Заканчивая рассуждения о русском языке, хочется ещё раз подчеркнуть, что ничего не изменилось в отношении нашего родного языка, и в этом наша самая большая ошибка. Социально-экономические модули меняются и будут меняться в зависимости от многих причин. Это естественно. Но потерять сегодня свой язык – это навсегда. В результате мы получим поколение потребителей, лишённых богатства своего родного языка. Они будут лишены возможности воспринимать наследие отечественной и мировой классической литературы. Они будут презирать своё прошлое и не будут связывать со своей Родиной своё будущее.

Мои грустные слова о родном русском языке вызваны ещё и тем, что, по мнению руководителей Минобрнауки России, за последние 20 лет количество говорящих в мире на русском языке снизилось на 120 млн человек. Сейчас это 260 млн, в том числе порядка 140 млн человек – на территории России.

Создавшееся положение с русским языком у нас в стране и в мире настоятельно диктует необходимость принятия срочных мер по его сохранению и развитию.

Люди, болеющие душой за сложившуюся ситуацию в этом вопросе, возлагают большие надежды на деятельность Совета при президенте Российской

Федерации по русскому языку, созданного Указом президента в 2014 году. Совет должен заниматься развитием и поддержкой русского языка как государственного языка Российской Федерации. Кроме решения внутренних проблем, в задачи Совета входит подготовка предложений президенту России по вопросам, связанным с развитием, защитой и поддержкой русского языка за рубежом, расширением его географии и сферы применения, поддержкой русскоязычных сообществ за рубежом.

Следует отметить, что в 2013 году был создан и Совет по русскому языку при правительстве страны под руководством вице-премьера Ольги Голодец. В 2016 году учреждено Общество русской словесности под руководством Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла.

Будем надеяться, что эти авторитетные государственные и общественные структуры в ближайшее время решат многие проблемы нашего родного, могучего и великого русского языка.

И снова возвращаясь к вопросу «общечеловеческих ценностей», хотел бы отметить следующее. Я не склонен призывать к культурному и языковому «железному занавесу», мы должны впитывать в себя всё, что есть прекрасного в великих культурах мира, но ни в коем случае не в ущерб своему самобытному, отечественному.

В заключение хотелось бы довести до сведения читателей выводы наших учёных. Они считают, что лицо нации меняется при 20% «разбавлении» родного языка иноземными словами. Кстати, мы уже вплотную подошли к этой черте, и лингвисты уже давно бьют тревогу по этому поводу. Ведь ещё И. А. Бунин призывал: «Берегите чистоту языка как святыню!.. Русский язык так богат, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

Так давайте же прислушаемся к этим мудрым словам!

Вот таковы некоторые мои мысли о нашем великом русском языке и не менее великой русской литературе. Нам нельзя их терять. Это духовно-нравственная основа России — и этим всё сказано.